Мужчина в психоанализе: от мысли без мыслителя до закона отца

Яковлева Олеся Николаевна

- кандидат педагогических наук,
- психолог, психоаналитический психотерапевт,
- член ЕАРПП,
- куратор рубрики «Психоанализ культуры» журнала ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии»

1–2 июня 2024 г. в Москве состоялась XII Межрегиональная Психоаналитическая Конференция «Мужчина в психоанализе».

Обозначенная тема задала обширное пространство для осмысления категории «мужчина» в понятийном поле психоанализа: от буквальной трактовки, подразумевающей половую, гендерную принадлежность и социально-ролевые установки — до прикладных аспектов «мужского» в философии, культуре и в психоаналитических теориях мышления. Мужчина в психоанализе – это также мужчина-аналитик как таковой и отцовская роль в трансферно – контрансферных отношениях анализанта и аналитика любого пола.

В своём докладе «Мужчина в поле групп-анализа» президент ЕАРПП А. А. Тимошкина отметила, что у мужчины свои уникальные задачи

Недостаточность мужественности в случае нарциссичных отцов может ощущаться безымянным ужасом, а внешний мир — пропастью, в которую он выскальзывает или в которую бросают.

Отцовская функция и идея отца — инструменты аналитика в приобретении мужественности у мужчин – анализантов. Через анаклитический контрперенос аналитик чувствует отцовскую часть, в которой нуждается пациент.

в психоаналитическом поле. Подобно тому, как женщина воспроизводит через своё тело жизнь и тем самым отрицает смерть, мужчина воспроизводит жизнь через символы и смыслы, создавая то, что он сможет передать следующим поколениям. Постижению этих смыслов и символов были посвящены два дня конференции.

Мы много говорили о формировании мужской идентичности, о трудностях и специфике этого процесса, как в ходе естественного взросления, так и в течение анализа.

Е. Н. Юрасова представила пленарный доклад «Формирование мужской идентичности», в котором, опираясь на свой опыт работы, проанализировала некоторые закономерности в формировании гендерной идентичности у мужчин гетеросексуальной, гомосексуальной ориентации и транссексуалов, их характерные особенности.

В докладе «Как рождается мужественность» Р. Р. Уракчеевой было размышление о том, как мужская идентификация становится для мужчины тотальной, тоталитарной и нереалистичной по причине отцовского отсутствия или депривации.

Отцовский (впоследствии мужской) дефицит может ощущаться взрослым мужчиной как отсутствие в случае мёртвых или пропавших отцов. Недостаточность мужественности в случае нарциссичных отцов может ощущаться безымянным ужасом, а внешний мир — пропастью, в которую он выскальзывает или в которую бросают. Такой мужчина вынужден принимать самые неестественные «позы», терзать своё физическое и психическое тело, вследствие чего может развиться зависимость как нарциссическая организация инфантильных структур, которая ослабляет и может полностью вытеснить взрослую часть личности. Выросшие сыновья угрожающих отцов не ощущают себя способными в сравнении, даже если пытаются конкурировать, и не могут опираться ни на свою уникальность, потому что она не признана, ни на отдельность, потому что ощущают зависимость. Спикер подробно описала, как развивается динамика в работе с пациентами — сыновьями таких разных отцов. Переполненные аффектами и ищущие постоянной разрядки, с проблемами в идентичности и жёсткими запретами, они ощущают свою мужественность как набор характеристик, которые помогают им не быть похожими на своих отцов.

Отцовская функция и идея отца — инструменты аналитика в приобретении мужественности у мужчин – анализантов. Через анаклитический контрперенос аналитик чувствует отцовскую часть, в которой нуждается пациент.

Часть выступлений была посвящена работе мужчин – аналитиков с пациентами – мужчинами.

А. Б. Симонов в докладе «Два мальчика подростка и мужчины в поле» говорил о симметрии работы мужчины – аналитика с анализантом – мужчиной. Полевые процессы в такой аналитической паре дополняются одинаковой полоролевой идентичностью — «в

каком-то смысле мы братья». Это и упрощает, и усложняет работу. Усложняет, так как похожий личный опыт аналитика может резонировать с клиентским, поэтому аналитик может начать закрываться от проективной идентификации. Упрощает, так как полоролевая идентичность даёт ключ к пониманию происходящего, это помогает мужскому дуэту выйти на сотрудничество.

И. А. Барминов в докладе «Двенадцать разгневанных мужчин», основываясь на своём опыте клинической работы, описал усреднённый портрет современного пациента – мужчины, обращающегося за помощью. Также докладчик выделил ключевые моменты в терапии мужчин в сравнении с женщинами:

- для пациентов – мужчин в большей степени характерен феномен возвращения из-за первоначально неявных запросов, которые не были удовлетворены;
- сложности с принятием гомосексуальных тем;
- склонность к химическим зависимостям, игромании;
- гнев, проявление которого пациентом – мужчиной часто становится катализатором предстоящих изменений. Параллельно аналитик также обязан искренне испытывать гнев, злость и ярость по отношению к поступкам пациента и его моделям отношений с первичным объектом. Только благодаря этим чувствам возможно находиться одновременно внутри и вне аналитических отношений и поощрять младенческие части пациента выходить из аутизма и симбиоза в реальность.

Е. А. Викторов в докладе «Отец или “друг”… Муж или “ребёнок”» делился своим опытом психоаналитического сопровождения молодых мужчин, впервые ставших отцами. В процессе такого сопровождения аналитик становится символическим «отцом» для мужчины – анализанта, опираясь не только на собственный опыт отцовства, трансферно – контрансферные отношения, но и на знания в области психоанализа детей.

На конференции также прозвучали доклады, которые можно отнести к категории психоанализа культуры, предполагающие исследование различных феноменов посредством мифа, религии, литературы. Доклады были посвящены мужской инициации, пути героя, поиску связи с «отцом».

О. Б. Решетникова в выступлении на тему «Путь героя. От детства к взрослой идентичности. На примере сказки» обратилась к мифу об Эдипе, к работам Д. Стайнера и Дж. Кэмпбелла. На примере сказки «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» С. Лагерлёф она описала основные закономерности сепарации мальчика – подростка от родительской пары. В сказке главный герой Нильс переживает ситуацию «психотического срыва» из-за зависти. Всемогущество помогает герою пуститься в приключения, в конце путешествия от этого всемогущества он должен отказаться, чтобы вернуться в обычный мир. Проработка подростком эдипова комплекса (отказ от идеи обладания объектом в форме сексуальных отношений или убийства) идёт параллельно с проработкой депрессивной позиции.

Мысли — это особая форма постижения трансформации чего-то, что уже существует.

Идеи о трансформации и пути героя, об осмыслении мифа об Эдипе находят продолжение в докладе Ю.С. Метельской «Эдип и практики мужской инициации.

С каждым годом в цивилизованном мире происходит всё больший отрыв от природной реальности – от окружающей нас среды, от тела, от непосредственного коммуникативного взаимодействия людей друг с другом.

Психоаналитические интерпретации». В докладе наше внимание обращалось на ритуал как древнейшую форму переработки аффекта и психического напряжения в образно – символической форме. В любой культуре особую роль играли ритуалы перехода (инициации) из одной социальной группы в другую (из группы детей — в группу взрослых мужчин). Проходя инициацию, мальчик как бы приобретает новые качества и это, в свою очередь, влечет за собой получение особых прав (в первобытных культурах — это право жениться, охотиться, идти на войну). Более глубокому осмыслению символического измерения таких ритуалов помогает модель психического Ж. Лакана, в которой он разделил «реальное», «воображаемое» и «символическое». На примере ритуала инициации племени самбиа спикер представила психоаналитическую интерпретацию мужской инициации, ритуала, в котором зашифрована эдипальная структура.

Доклад Е. А. Казьминой «Конец рода Юсуповых. Трансгенерационная травма» был посвящён проблеме преодоления трансгенерационной передачи травмы. На примере анализа истории жизни потомка этой семьи — Феликса Юсупова спикер определила основные этапы работы с такой травмой, среди которых: выявление телесных симптомов; прояснение родовых тайн, семейных мифов, семейной истории; детализация и осознание проблемы, приведшей к перекладыванию груза травмы на потомков; исследование возможности нового жизненного выбора через принятие свободы и ответственности; горевание и оплакивание потерь и др. Подобная работа даёт возможность для трансформации, роста и развития, преобразования параноидно-шизоидной позиции в депрессивную, что «освобождает» анализанта от навязчивого повторения травматического опыта своей семьи.

О. Н. Яковлева в докладе «Слёзы Адама: научение на опыте переживаний» обратилась к антропогоническому типу мифов о создании первых людей. Доклад содержал размышления о ветхозаветной истории, посвящённой сотворению Адама и Евы, в контексте таких базовых понятий психоанализа, как «закон Отца», «депрессивная позиция», «научение через опыт переживания».

В первой половине второго дня конференции прошли два круглых стола. Первый — круглый стол журнала, посвящённый формированию и развитию аналитического мышления. Редакционная коллегия обсуждала сущность феномена «аналитическое мышление», способы его развития через научно-творческую деятельность (доклад О. Н. Яковлевой), повседневную аналитическую практику осмысления и представления клинического случая для себя, для супервизии, для научно-исследовательской работы (доклад Г.В. Гридаевой). Одной из ведущей была мысль, оформившаяся в процессе обсуждения, — о значении «третьего» — профессионального сообщества в развитии аналитического мышления. В этой связи, второй круглый стол «Отцовская

фигура в организации» (спикеры: вице-президенты ЕАРПП С. А. Аулкина, Г. В. Грида-ева) органично продолжил размышления в процессе круглого стола журнала. Во-первых, о непростых аспектах этики и ответственности, связанных с причастностью к профессиональному психоаналитическому сообществу; во-вторых – о преимуществах и перспективах роста для практикующего аналитика, возможных исключительно благодаря принадлежности к профессиональной институции.

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает пленарный доклад Б. А. Ерёмина «О мышлении», так как он, с одной стороны, задал иной вертекс понимания «мужского» в психоанализе — с позиций кляйнианской и бионианской школ. С другой, явился интегралом, под знаком которого можно объединить идеи многих докладов, да и саму идею конференции, как формы наших традиционных встреч для совместного размышления (творческого акта) над какой-либо темой.

Остановимся на идее доклада о мышлении в анализе с позиции встречи «мужского» и «женского».

Отталкиваясь от философских идей Р. Декарта о мысли без мыслителя, Платона — о мире идей, И. Канта — о вещи в себе, спикер перешёл к размышлениям кляйнианцев о возникновении самой ранней мысли из всех возможных — мысли о груди (преконцепции), появление которой связано с реальностью её отсутствия. Понятие «преконцепция» отсылает нас к парадоксу: преконцепции — это ещё не мысли, но они существуют до рождения ума, в этой связи преконцепции — это формы, которые мыслителю надлежит принять, начать о них думать. Возникает вопрос: творческий гений — это тот человек, который способен постичь уже существующую внутреннюю истину, или его разум самостоятельно может производить мысли (придавать формы некоторым мыслям)?

> От сосуществования чувства и бытия мы пришли к форме видимости, к публичности без материи, к поиску внешнего вида, от рефлексии — к экстрафлексии, от творения аутентичных произведений искусства — к выпячиванию своего тела как предмета, к фетишизации.

Отталкиваясь от расхожей фразы «истина – пища для ума», для ответа на поставленный вопрос можно обратиться к модели пищеварительной системы. В молекулах АТФ (как в терминальном и целевом звене всего пищеварительного процесса) встречаются материя и энергия. Также и в области зачатия (встреча половых клеток) невозможно отделить материю от энергии, иными словами, психическое — от материального. Если физически материальный сперматозоид имеет свой психический аналог, называемый «мыслью без мыслителя», то ожидает ли его яйцеклетка, подобно мыслителю, который эту мысль подумает? Должна ли мысль, сотворённая таким образом, быть аналогом сыновей и дочерей?

Мысли — это особая форма постижения трансформации чего-то, что уже существует. Мысли без мыслителя требуют, чтобы мыслитель «женился» на них. В то время как галлюцинации, в отличие от мысли, не требуют связей.

Аналитик и пациент разговаривают друг с другом. В классическом смысле аналитик обращает внимание на то, о чём идёт речь; на то, о чём сказано. То, что говорит пациент, можно рассматривать как мужскую установку. Пища для ума аналитика – это одновременно пища для жизни, то есть сперма. И аналитик, независимо от своего физического пола, может в некоторой степени проявлять свои женские качества, то есть быть готовым проникаться тем, что говорит пациент. Для этого его или её анализ должен быть достаточно глубоким, вплоть до проработки его женских и мужских аспектов, чтобы мужчина – аналитик не боялся своей женственности, а женщина не боялась своей мужественности.

Быть рецептивным в разговоре с пациентом — значит выполнять женскую функцию. Представлять точку зрения или интерпретацию – значит проявлять мужскую потенцию. Инсайт — это ребёнок. То же самое происходит, когда пациент способен говорить и слушать. После этого ментального оплодотворения аналитик может что-то сказать, чтобы выразить то, что он или она интуитивно почувствуют. Используя свою женственность, аналитик должен проявить свои мужские черты. Так как сказать что-то, означает совершить активные действия в окружающей среде, попытаться внедриться во Вселенную пациента. Это что-то, в свою очередь, оплодотворит пациента. В этой связи, в анализе не существует ни мужчин, ни женщин.

> Психоанализ — место возможной трансформации и выхода из ситуаций, в которой, казалось бы, прежнее невозможно, а новое ещё не сказано.

Завершал конференцию пленарный доклад Козимо Скинайи «Мужчина в среде современного анализа, индивидуальное и окружающая его среда». Мысли, высказанные спикером, содержали крайне важный посыл, который нам действительно необходимо слышать.

Если доклад Б. А. Ерёмина, открывавший конференцию, приглашал нас побыть в пространстве «чистой» идеи, разума, мысли без мыслителя, в пространстве, в котором стирается (в хорошем смысле) грань между мужским и женским, устанавливается их глубокая взаимосвязь в совместном стремлении к «О», то доклад К. Скинайи призывал нас увидеть границы. На протяжении своего выступления он побуждал нас «вернуться в буквальную реальность», приземлял, напоминая о том, как изменились реалии жизни за последние десятилетия, в каких условиях и с какими пациентами нам приходиться работать; задуматься о том, как происходящие изменения меняют нас самих — аналитиков. Или мы всё ещё прибываем в иллюзии, что изменения окружающего мира не влияют на наше собственное мышление?

С каждым годом в цивилизованном мире происходит всё больший отрыв от природной реальности – от окружающей нас среды, от тела, от непосредственного коммуникативного взаимодействия людей друг с другом. Виртуальный мир, засилье интернета, компульсивное потребление, возможность немедленного удовлетворения любых желаний нападают на естественные процессы созревания и функционирования человеческой психики. С появлением онлайн-пространства человек уходит из своей среды. Ритуалы и обряды инициации за последнее столетие сократились в лучшем случае до символа, в худшем — до слова, до одного слога в слове. Тенденция к сокращению, вплоть

до полного исчезновения обрядов перехода, отражает стремление стереть время сомнения, время ожидания, переузнавания себя, трансформации, взросления. Это неизбежно приводит к глубокой травматизации, с которой мы, как аналитики, к сожалению, пока не знаем, что делать.

> Преконцепции — это ещё не мысли, но они существуют до рождения ума, в этой связи преконцепции — это формы, которые мыслителю надлежит принять, начать о них думать.

От сосуществования чувства и бытия мы пришли к форме видимости, к публичности без материи, к поиску внешнего вида, от рефлексии — к экстрафлексии, от творения аутентичных произведений искусства — к выпячиванию своего тела как предмета, к фетишизации. Всё это может быть элементами, предвещающими всемогущий, аутистический уход.

В этой связи становится понятнее, почему последние годы на конференциях, семинарах и дискуссионных площадках мы так много говорим о границах, о норме и патологии, о самочувствии самого аналитика, о мужчинах и женщинах, об отцах и матерях как таковых.

Отклик Е. П. Савичевой на завершающем круглом столе, вторил подобным размышлениям: «Тот Адам, которого отец вдохновляет, он из крови и плоти, красивый и соблазняющий мужчина. Поэтому он так неохотно тянется к отцу[1], который наделит его смертностью, болью и душевными страданиями. Поэтому ребёнок, Адам, не хочет покидать этот рай. Сперматозоид — носитель гена и начала деления потенциально возможной новой жизни, мужчина — это всегда начало… Козимо говорил о необходимости ходить по твёрдой земле, а не висеть в виртуальном пространстве. Мы уже беспокоимся за наших детей, которые очень легко находят любую информацию в Интернете, но при этом сразу попадают в галлюциноз и в гипноз без переработки. Мы все сейчас сидим на каких-то усилителях и ускорителях, вместо того, чтобы задержаться на чём-то подольше и выстрадать своё мнение, свою позицию, присвоить себе что-то и этим стать. Никто не видит слёзы отца (слёзы Адама), с каким ощущением он вынужден, учитывая реальность, класть свою голову на плаху для того, чтобы дети продолжали жить. Сейчас непростые времена, тем не менее — это наша история, горнило — огонь, вода и медные трубы. Но для меня, психоанализ — место возможной трансформации и выхода из ситуаций, в которой, казалось бы, прежнее невозможно, а новое ещё не сказано. Необходим переход – по-гречески — это метафора».

Через психоаналитические отношения, через метафору происходит непрерывное переназначение смыслом прошлого, что способствует шансу, что анализант совершит реконструкцию собственной истории, освободится от деформации защит и ложных воспоминаний. Для этого нам, аналитикам, необходимо сохранять веру, оптимизм и связь с внутренним достаточно хорошим отцом, способным не только устанавливать чёткие границы, но и защищать, вдохновлять, побуждать к жизни, к трансформации и взрослению, к поиску связей и любви.

1 Отсылка к фреске «Сотворение Адама», Микеланджело, 1511 г.